

Существует известная точка зрения, что «бездомный» двадцатый век начался не с 1900 года, а в 1914, с началом Первой мировой войны. Ее последствия оказались роковыми для судеб многих государств. И вполне оправдана позиция, что Вторая мировая была лишь отложенным продолжением Первой. Наш журнал начинает обсуждение этого события со статьи А.А.Гнеся и экспертных отзывов на эту статью. Надеемся, что это послужит началом серьезной дискуссии.

УДК 306

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА*

А. А. Гнесь,

Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск

algnes@yandex.ru

Нельзя готовить яичницу, не расколов яйца.

Английская пословица

*Только внутреннее согласие
сможет вылечить раны этой войны.*

Из акта об отречении от престола
последнего австрийского императора
Карла I от 11 ноября 1918 г.

В статье особое внимание уделяется катастрофическим последствиям Первой мировой войны для культур двух главных жертв прошлого века: Германии и России. Крушение Германской, Австро-венгерской и Российской империй предопределило дальнейшее развитие европейской культуры в соответствии с англо-саксонским геополитическим вектором. Классическая культура Старого Света уступила место западной массовой культуре.

Ключевые слова: геополитика, информационная война, классическая культура, массовая культура, панславизм, пангерманизм, Первая мировая война, хартлэнд.

Август 1914 г. ознаменовал не только начало эпохи тотальных войн, но и крушение идеалов и принципов многовекового существования европейских стран: обра-

зы доброй старой Англии, благочестивой Германии, романтической Франции и святой Руси были в одночасье отброшены как устаревшие декорации. Модернизирован-

* В настоящее время автор работает над книгой под названием «С мыслями о 14-м». В неё войдёт очерк «Лето 1914-го: право на сослагательное наклонение» и четыре работы о странах Центральной Европы, образовывавших в период Первой мировой войны ядро блока Центральных держав. Выход книги планируется на вторую половину 2011 года.

ная за время Первой мировой войны империалистическая система способствовала впоследствии утверждению принципа силы как основы существования общества, нации и культуры. Пренебрежение принципами гуманизма, нигилистическое отношение к морали и повсеместное усиление национализма не могло не отразиться кардинальным образом на дальнейшем ходе развития западной цивилизации. И результат «великой ломки» не заставил себя долго ждать. Через двадцать лет после окончания Первой мировой войны Германия и Россия, великие страны, обогатившие мир учёными, писателями, музыкантами и художниками, превратились в концлагеря.

Спустя девяносто лет после окончания империалистической в Германии и в России были проведены опросы общественного мнения о лучших представителях этих двух стран. В результате в голосовании на *Имя России* победил Александр Невский. На втором месте был Пётр I, затем шёл И.В. Сталин. Для сравнения: в Германии А. Гитлера вообще не допустили до голосования. Там победил К. Аденауэр, на втором месте был О. фон Бисмарк, а на третьем К. Маркс. Не исключено, что данная статистика не лишена неточностей, но в целом результаты являются отражением современной истории формирования современного германского и российского менталитетов.

1913-й, безусловно, не был таким сытым, счастливым и безоблачным ни в Германии, ни тем более в России, каким его стараются представить некоторые современные историки. Тем не менее тогда мало кто мог и предположить, что уже совсем скоро на берлинских и мюнхенских площадях люди разных слоёв и убеждений будут приветствовать известие о вступлении Германии в войну, а на улицах Санкт-Петербурга и Москвы произойдут погромы немецких магазинов,

библиотек, мастерских и булочных. А ведь незадолго до этой волны германофобии российские читатели искренне плакали над страданиями гётевского Вертера.

Ликование воинственных толп в Берлине и Санкт-Петербурге недвусмысленно указывало на крушение надежд на лучшую, более гуманную и справедливую жизнь.

С началом войны в западном мире коренным образом изменились отношения между государством и гражданином. По мере развития железных дорог в конце XIX в. необходимость в пограничных формальностях, по крайней мере, в Западной Европе, почти отпала. А уже в 1915 г. паспорт был вновь введён в обращение, теперь уже в усовершенствованном варианте. Срочно потребовалась система учёта человека, причём как *врага*, так и *своего*. Сначала это был паспорт, затем личные данные солдат в колбах и на медальонах, в 1930-е гг. появились наколки на руках узников в концлагерях. После Второй мировой войны в странах социалистического блока была введена система прописок и регистраций. А современные демократии преуспели в технологии сбора и хранения информации о гражданах.

Инстинкт недоверия, сформировавшийся во время империалистической войны, служил и по сей день продолжает служить как диктатурам, так и демократиям. Не следует поэтому удивляться, что обещанная в России сразу же после «демократического» переворота 1991 г. отмена процедуры прописки была заменена ещё более жесткой системой регистрации, чем в СССР.

После окончания Первой мировой войны сентиментальная классическая европейская культура постепенно уступала место массовой западной культуре с её динамизмом и направленностью на безграничное потребление.

The Heartland

В 1904 г. вышла короткая, но чрезвычайно важная статья по геополитике – «Географическая ось истории». Автором этого труда был английский географ Х. Дж. Маккиндер, неординарно мыслящий учёный, который ввёл в научный оборот термин *Хартленд* (*Heartland*)¹ для геополитического обозначения Евразии². Х. Дж. Маккиндер задолго до известного американского политолога З. Бжезинского заявил, что тот, кто господствует в Евразии, будет в конце концов определять мировую политику. Как и современные западные геополитики, Х. Дж. Маккиндер понимал, что военно-экономический контроль за *Хартлендом* невозможен без влияния на культуру и духовное состояние германского и российского обществ.

Английский географ видел в России и Германии основную «континентальную опасность» для британских и вообще для англосаксонских, атлантических интересов. В самом начале XX века в военных и научных кругах Великобритании всерьёз заговорили об опасности русско-германского сближения.

А предпосылки для этого сближения у двух, во многом похожих, как это ни покажется странным, империй существовали практически вплоть до начала турбулентного XX века. В конце XIX столетия русский консервативный философ К. Леонтьев писал: «Мы искренне желаем блага Германии. Она слишком влиятельна, чтобы её благие дела не были благим примером для всех других»³. Примерно в то же самое время великий О. фон Бисмарк произнёс своё знаменитое напутствие потомкам о необходимости и полезности для Германии дружбы

с Россией. Это тогда он сказал знаменитую фразу о том, что «русские медленно запрягают, но быстро едут».

«Железный канцлер», который 18 января 1871 г. в Версальском дворце объявил о рождении Германской Империи, не мог и предположить, что спустя сорок восемь лет в этот же самый день в том же дворце будет подписан договор, условия которого напрямую способствуют возникновению в Германии одной из самых жестоких в истории человечества диктатур.

Лицемерие Версальских решений не заканчивалось лишь на унижении и уничтожении Германии как независимого государства. В соответствии с пунктом 231 Версальского мирного договора, вся вина за развязывание войны возлагалась исключительно на Германию и её союзников⁴. Американский президент-пацифист В. Вильсон и до, и после Версальской конференции 1919 г. продолжал твердить о том, что поражение Германии в войне пойдёт на благо самих немцев. Впервые он заявил об этом в Военном обращении к Конгрессу США в 1917 г.⁵ Другими словами, по мнению В. Вильсона, Антанта помогла немцам, нанеся ей поражение.

«Помощь» следовало оказать и России, поэтому во время Версальской конференции было принято официальное положение о необходимости интервенции в Россию. США объявили о начале военной интервенции против Советской России уже 3 августа 1918 г., оправдывая своё решение необходимостью защиты чехов от германо-австрийских военнопленных и большевиков. Правительства Великобритании и США, начиная с Первой мировой войны, уже не скрывали своих устремлений установления контроля над Евразийским континентом.

¹ Heartland (англ.) – центральный, основной регион.

² Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History / H.J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – № 4 (23). – P. 427.

³ Леонтьев, К. Восток, Россия и Славянство / К. Леонтьев. – М.: Эксмо, 2007. – С. 440.

⁴ Förster, S. Wochen der Entscheidung / S. Förster // Damals. – 2004. – № 5, 36. Jahrg. – S. 19.

⁵ Heffner, R. A Documentary History of the United States / R.A. Heffner. – New York: New American Library, 1985. – P. 248.

* * *

Каковы были исторические духовные предпосылки для сближения России и Германии? Сходство между двумя империями *Хартлэнда* определялось главным образом общностью их исторических судеб. В начале XX столетия Россия и Германия были всё ещё пытающимися познать самих себя, относительно самобытными государствами. Немецкое лютеранство и русское православие являлись официальными духовно-идеологическими основами обеих стран.

К концу XIX века в Германии, как и в России, были западники и традиционалисты. Первые видели свою страну как неотъемлемую часть западной, рациональной, парламентской цивилизации. Немецкие традиционалисты, подобно российским почвенникам, были увлечены поисками уникальности особого немецкого духа. Причём такие антизападные философы, как Ф.В. Ницше, часто восхищались опытом российского самопознания⁶.

Древние духовные корни народов, населявших обширный лесной пояс от Рейна до Оки, уходили своими истоками к языческой эпохе Северной Европы. Перун и Тор, германские героические саги и сказания о русских богатырях, праздники урожая, традиции единения человека и природы – это и многое другое говорит о глубоком культурном взаимопроникновении германских и славянских племён. Альпийский регион образовывал единое культурно-антропологическое целое с севером Балкан, Венгрией и современной Правобережной Украиной.

Сибирь относительно мирным путём осваивали выходцы из Северной России, а позднее украинцы, белорусы, поляки и немцы, поэтому нетрудно предположить, что в случае мирного сосуществования России, Германии и Австро-Венгрии к середине

⁶ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Соч. – М. : Эксмо, 2007. – С. 819.

XX века должно было оформиться единое культурно-экономическое пространство от Северного моря и Адриатики на западе до Тихого Океана на востоке. Логика подсказывает, что на этом пространстве Германия являлась бы центром промышленного развития, Австрия – центром культурного соединения славянского и германского начал, а Россия неизбежно – основным производителем сельскохозяйственной продукции. При этом все три функциональных ядра *Хартлэнда* оказывались полностью взаимозависимыми.

Англосаксонским государствам, Франции и Бельгии, при условии мирной и самодостаточной жизни в *Хартлэнде*, суждено было продолжать и совершенствовать истощающую их национальные экономики колониальную политику. Такой сценарий страны Антанты решительно не устраивал.

Первая информационная война

Первая мировая была первым глобальным информационным и идеологическим противостоянием, не случайно после её окончания германский генерал Э. Людендорф резко осудил роль журналистов в войне.

Уже накануне войны «ожили» народные мифы и сказания. Этнический национализм в разных странах начинал работать на предстоящую тотальную войну.

Немецкий исследователь Х. Мюнклер в своей книге «Die Deutschen und ihre Mythen» (*Немцы и их мифы*) упоминает выступление в рейхстаге рейхсканцлера Б. фон Бюлова от 29 марта 1909 г., в котором тот в частности заявил: «Господа! Недавно я услышал презрительное высказывание о нашей вассальной зависимости от Австро-Венгрии. Это глупое замечание. Речь не идёт о какой-то борьбе за первенство между нами, как между двумя королями в *Песни о Нибелунгах*. Нам не следует забывать о верности Нибелунгов в наших отношениях с Австро-Венгрией. Наши импе-

рии должны сохранять верность друг другу» (пер. авт.)⁷.

В Австро-Венгрии всем «желающим» нашлось применение, и австрийские украинцы, например, получили название «тирольцев Востока» [19, s. 28]. Официальная Вена поощряла развитие украинской культуры и способствовала широкому использованию украинского языка в австрийской бюрократии. В результате, уже начиная с 1914 г., украинцы, эмигрировавшие в Канаду, возвращались верой и правдой служить кайзеру.

Перед Первой мировой войной в России усиленно распространялись идеи панславизма, а уже в 1914-м многие в России рассматривали начавшуюся войну как войну славян с тевтонцами, а также как войну за единство русского народа. Головные уборы, известные как красноармейские будёновки, начали шиться уже в начале войны и назывались «богатырками», поскольку остроконечные суконные шлемы напоминали шлемы русских богатырей. Предполагалось, что в этих шлемах русские воины вступят в Берлин в 1917 году⁸.

Уже в 1890-е годы, по мере того как панславизм набирал силу, многие мыслящие люди видели в нём реальную опасность для самой России. Возвращаясь к размышлениям К. Леонтьева, следует вспомнить следующее его предостережение: «Панславизм по-нашему есть весьма опасная возможность, приближение которой нам нет выгоды ускорять необдуманно. Панславизм если не одинаково, то в разной мере и в разном роде может стать вредным не только для Турции и Австрии, но и для самой России»⁹.

Россия поощряла панславистские настроения у чехов и словаков, веками боров-

шихся как с Габсбургами, так и с Гогенцоллернами. В результате австрийские чехи массово переходили на российскую сторону. Независимость Чехословакии, в случае удачного для Антанты исхода войны, чехам и словакам обещали также представители Франции и Англии.

Кризис западной культуры с началом Первой мировой войны проявился и в том, что надменность и бесчеловечность белых колонизаторов в отношении коренных жителей колоний становились нормой поведения между самими европейцами. Французы первыми начали изображать немцев варварами¹⁰. После вступления германских войск на территорию Бельгии появились и британские пропагандистские материалы, на которых немцы изображались гуннами¹¹. Гунн представлялся *цивилизированному миру* чуждым элементом.

В дискуссии по первому каналу российского телевидения от 21.05.09 на тему «Ядерный мир: разоружаться или наращивать» один из выступавших заявил: «Россия, Англия, Франция – цивилизованные страны и могут владеть ядерным оружием, а Иран этого права не имеет». Это высказывание является прямым следствием формирования менталитета *члена цивилизованного общества*, основывающегося на принципе существования *своих* и *чужих*.

Идеологии не только диктатур, но и демократий XX века базировались на принципе *эксклюзивности*, т.е. на идее об изначальной и абсолютной правоте *своих*, а также на невозможности существования государственной системы без *врагов*¹². *Своими* стали: в Советской России – класс рабочих и крестьян, в гитлеровской Германии – представители *нордической расы*, в англо-

⁷ Münkler, H. Die Deutschen und ihre Mythen / H. Münkler. – Berlin: Rowohlt, 2009. – S. 81.

⁸ Гончаров, К.Ю. Будёновка (из истории создания униформы армии советской России) / К.Ю. Гончаров // Организмика. – 2007. – № 3 (11). – С. 30.

⁹ Леонтьев, К. Восток, Россия и Славянство / К. Леонтьев. – М.: Эксмо, 2007. – С.429.

¹⁰ Bruendel, S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat. Die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg / S. Bruendel. – Berlin : Akademie Verlag, 2003. – S. 38–39.

¹¹ Там же. S. 40.

¹² Там же. S. 302–305.

саксонских странах – носители *абсолютных ценностей христианских демократий* и.т.д. Причём, в отношении *врагов* в прошлом веке все меры стали допустимыми. У государств появились безграничные возможности манипуляции массовым сознанием.

Массовая культура стала одним из основных элементов контроля: более простая и понятная, чем классическая, она оказалась незаменимым инструментом в сплачивании разных слоёв населения. Одни развлечения сменялись другими: в Германии 1930-х гг., например, место кабаре времён Веймарской республики заняли псевдонародные формы нацистской музыкальной культуры.

Размышления у Бранденбургских ворот

Мало кто даже из современного поколения немцев задумывается о том, что в 1990 году произошло объединение не восточногерманских, а центрально- и западногерманских земель. Более одной трети исторической территории Германии (в её границах 1914 года) является ныне, по решениям многочисленных конференций и договоров, территорией других государств. На протяжении первой половины прошлого века территориальное сокращение Германии коснулось главным образом Пруссии, исторически являвшейся государственным и промышленным «локомотивом» страны. Она стала ядром вначале Северогерманского союза, образованного в 1867 г., а затем и образованной в 1871 г. Германской империи.

У. Черчилль заявил 1 декабря 1943 г. на четвёртом заседании конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране: «Южные немцы не начнут новой войны»¹³. Британский национальный лидер в исконной агрессивности обвинял именно Пруссию. Негативное отно-

¹³ Тегеран, Ялта, Потсдам : сб. док. – М. : Междунар. отношения, 1971. – С. 94.

шение к прусским немцам у значительной части буржуазно-демократической общественности в бывших странах Антанты напоминает представления некоторых западных «специалистов по русским делам» о народах постсоветского пространства. Сходство заключается именно в их презрении и недоверии к германскому и российскому народам. Как известно, впоследствии М. Тэтчер и Ф. Миттеран были против падения Берлинской стены и объединения Германии, а заокеанские политики более чем скептически относятся к возможности интеграции (особенно славянских государств) на постсоветском пространстве.

На центральной берлинской улице Унтер-ден-Линден и в живописной федеральной земле Бранденбург картинные галереи, дворцы с садами и многочисленные музеи до сих пор напоминают о временах правления Фридриха Великого. Вопреки распространённым стереотипам отнюдь не военная муштра отличала королевство, образованное в 1701 г. В Пруссии творил великий Э. Кант. Берлин и Бранденбург являлись убежищем для инакомыслящих Европы (например, французских гугенотов). Культурно-философский импульс, результатом которого явились труды Г. Гегеля, А. Шопенгауэра и О. Шпенглера, был генерирован именно в Пруссии.

Интенсивная индустриализация Германской империи происходила в условиях формирования уникальной для Европы национально-ориентированной экономики. Молодая империя, опоздавшая к разделу колоний, полагалась, по большей части, на свои силы. Немецкий историк К. Хильдебрандт пишет о Германии конца XIX – начала XX в.: «Бурное развитие экономики и внешнеполитическая осторожность, хвастовство и робость, самонадеянность и страх – всё это сопутствова-

ло внешней политике Германской Империи...» (пер. авт.)¹⁴.

Внешняя политика Германии того времени определялась осознанием реальной опасности окружения соседними государствами, ведущего к возможной изоляции или блокаде (*Einkreisung*) империи¹⁵. Главным образом рассматривалась военная и экономическая опасность со стороны Великобритании и Франции. После франко-русского сближения, произошедшего при Александре III, а особенно после заключения в 1907 г. русско-британского договора¹⁶ по Афганистану, Ирану и Тибету, военные стратеги Пруссии всерьёз заговорили об опасности военной блокады империи. Германии, стремившейся защитить свои стратегические интересы, оставалось надеяться лишь на Австрию и Турцию, а также строительство Багдадской железной дороги¹⁷.

Кризис германского импульса во время и сразу после империалистической войны чётко отражён в резких линиях картин уроженки г. Кёнигсберга К. Кольвиц. Трагизм войны и крах идеалов ярко изобразил на своих гротескных картинах с изломанными формами и образами немецкий художник-антифашист О. Дикс.

Следствием вульгарной эксплуатации нацистами германских духовных символов явилось то, что после падения фашистской диктатуры всяческие проявления исконно германских элементов культуры длитель-

ное время вызывали неприятие у части прогрессивной интеллигенции Германии.

После ожесточённой Второй мировой войны в Западной Германии культ потребления, сопутствовавший бурному развитию экономики страны и поставивший под угрозу существование остатков европейского *сентиментализма*, встретил мощное сопротивление в виде организованных выступлений левого студенчества. Тем не менее частичная американизация системы образования и экспансия англо-американской массовой культуры (главным образом музыкальной) продолжают вести к размыванию культурной идентичности *Старой Европы*. Отечественный автор С. Кремлев пишет в этой связи: «Ныне же немцам грозит судьба некоего американизированного бургера, у которого из сознания полностью устранили всю историческую память, заменив её созерцанием аккуратно отреставрированных средневековых замков»¹⁸. С весьма категоричным мнением С. Кремлева можно поспорить, но в нём есть доля истины.

Культурная катастрофа и потеря значительной части генофонда в обеих войнах не помешали Германии восстановить и сохранить правовое государство. Немцы бесспорно осудили нацизм как тупиковую и бесчеловечную идеологию и нашли в себе мужество правдиво взглянуть на события прошлого века.

Невозврат. ру

В России, несмотря на прозападные настроения значительной части элиты, презираемый ею народ жил накануне Первой мировой войны по своим законам. Индустриализация и парламентаризм с трудом приживались в евразийской империи. Аграрное, патриархальное общество осознанно сопротивлялось реформам, направленным на модернизацию и обновление. Россий-

¹⁸ Кремлев, С. Россия и Германия: сравнить! / С. Кремлев. – М.: АСТ, 2003. – С. 294.

¹⁴ Hildebrandt, K. Deutsche Aussenpolitik / K. Hildebrandt. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2008. – S. 32.

¹⁵ Bruendel, S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat. Die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg / S. Bruendel. – Berlin : Akademie Verlag, 2003. – S. 28.

¹⁶ О русско-английском соглашении от 1907 г. В.И. Ленин писал: «Десят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)» [5, с. 669].

¹⁷ Гнесь, А.А. Встречи на земле Нибелунгов / А.А. Гнесь. – Новосибирск, 2009. – № 1(20). – С. 75, 80.

ское высшее общество не знало и не жалело собственного народа. При этом русский крестьянин не был таким диким и бестолковым, каким его показывали и продолжают показывать современные российские СМИ. Совесть, стремление к честному труду и к служению были испокон веков добродетелями русских крестьян.

К кровопролитию революции и гражданской войны в России привела не дикость крестьян, а желание верхов жить, ни в чём себе не отказывая. В 1914 г. погрязшая в долгах перед англо-французским капиталом российская буржуазия сознательно поддержала Антанту.

«Защитим наших братьев-сербов!», «С нами прекрасная Франция, гордая Англия с нами!» – такие лозунги в августе 1914-го были слышны по всей России. Коробит в них помимо прочего и то, что и Сербия, и Англия, и Франция вспоминали о России в первую очередь тогда, когда им требовался безотказный российский солдат: так было в 1914-м, в 1939 – 45-м.

Российскую интеллигенцию проблемы «сербских братьев» интересовали и продолжают интересовать несравненно больше, чем нищета крестьян в Нечерноземье.

За пылкими антигерманскими лозунгами стоял тщательно продуманный план по расчленению Евразии на сферы влияния. Причём на руку Антанте пришлось и воинственный панславизм, и пангерманский национализм, и личные пристрастия представителей правящих кругов в воюющих странах. Мать Николая II, Мария Фёдоровна публично заявила в 1914 г.: «Я рада, что наконец-то смогу открыто заявить о том, что ненавижу немцев». Она, урождённая датчанка, не могла простить Германии, отобравшей у Дании, кстати говоря, исконно немецкую историческую территорию Шлезвиг.

При этом, несмотря на антирусские настроения части пангерманистов и общенациональный патриотический порыв в России, в

1914 г. немецкий и русский народы не были до конца готовы воевать между собой. Сказались столетия мирного сосуществования. В этой связи вспоминаются письма русского офицера Ф.Н. Глинки, участвовавшего в войне с Наполеоном: «Народ саксонский принимает русских с почтением и сердечной радостью. Многие отцы приглашают русских офицеров крестить новорожденных детей своих. Словом сказать: тут не знают, как принять, почтить нас!»¹⁹. В период 1920-х гг. многоплановое сближение Советской России и Веймарской Германии, как казалось, вернуло всё на круги своя. Обескровленные сначала в войне, а затем во внутренних неурядицах страны, осознавая общую беду, проявили полную готовность к серьёзным встречным шагам²⁰. Когда в 1927 г. из-за возникших проблем в отношениях между Великобританией и СССР советской дипломатической миссии пришлось покинуть Лондон, СССР на время разрыва отношений передал защиту своих интересов в Великобритании правительству Германии²¹.

1941 г. изменил многое в мировосприятии жителей СССР, но не поменял главное – благородства души простого русского человека. Народ, измученный за годы революции, гражданской войны и период репрессий 1930-х гг., был готов воевать и защищать не только страну, но и мир от коричневой чумы. И он справился с этой, как казалось на первый взгляд, непосильной задачей. Призывы типа «Убей немца!», к счастью, не нашли широкого отклика среди советских солдат. Первое, что сделали усталые от сражений советские воины в Веймаре – они возложили цветы к памятнику

¹⁹ Глинка, Ф.Н. Письма русского офицера / Ф. Н. Глинка. – М.: Правда, 1990. – С. 160.

²⁰ Гнесь, А.А. Встречи на земле Нибелунгов / А.А. Гнесь // Новосибирск. – 2009. – № 1(20). – С. 66.

²¹ Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата / И.М. Майский. – М.: Наука, 1971. – С. 108.

В. Гёте и Ф. Шиллеру²². Вторая мировая война действительно оказалась войной с абсолютным злом.

Послевоенный период, а затем и «оттепель» 1960-х были для советских людей многообещающими. Тем не менее закрытость общества, почти ироничное отношение к пусть несовершенным, но всё же существующим правилам и законам, а также неэффективность экономики в конце концов привели к тому, что в конце 1980-х советское общество начало быстро криминализироваться. Все положительные стороны социалистического строя, которых было отнюдь не мало, были отброшены, началась бесконтрольная американизация российского общества и культуры. Монетаризм стал главной экономической философией России 1990-х. В результате выросло поколение, не знающее разницы между Швецией и Швейцарией, но знающее, что такое «шведская семья».

Эта часть статьи не случайно названа *Невозврат.ру*. Несмотря на современные фильмы и программы, идеализирующие дореволюционную Россию, а в последнее время и времена И.В. Сталина, у страны нет пути назад, ни к России царской, ни к России сталинской. Богатейшая культура России вопреки катастрофическим процессам, происходившим в прошлом веке в западной культуре, сохранилась, и тяга части молодёжи к русской литературной, художественной и музыкальной классике в последние годы вселяет надежду на то, что общество в состоянии пережить весьма необдуманные реформы в системе среднего и высшего образования.

Вместо заключения

С конца второй половины XIX века в европейской антропологии господствовала теория диффузионизма. В соответствии с её положениями сходство в культурах разных

²² Паустовский, К. Близкие и далёкие / К. Паустовский. – М. : Молодая Гвардия, 1967. – С. 187.

народов связано не с общим происхождением, а с тем, что в ходе миграционных процессов одни группы перенимают определённые культурные элементы у представителей других групп²³. По мнению «диффузионистов», природно-географические условия и миграционные процессы были двумя основными факторами в развитии культур²⁴. Европейские учёные применяли положения данной теории преимущественно в контексте изучения неевропейских этносов.

Тем не менее теория диффузионизма повлияла впоследствии и на восприятие европейцами друг друга. Идея о том, что одни группы умнее, способнее и благороднее, других, привела к тому, что официальная пропаганда враждующих европейских стран, начиная с 1914-го, стала изображать *врагов* варварами, а *своих* – стоящими на страже *единственно верных ценностей*. Германия и Россия были не готовы к войне именно в культурно-идеологическом отношении. Англосаксонский *рационализм* в 1918 г. одержал победу над двумя *идеалистическими* обществами: российским и германским. Но именно эта победа и привела к культурной катастрофе прошлого века, поскольку классическая европейская культура XIX являлась по своей сути *идеалистической*.

По самым последним данным, по количеству носителей языка в географической Европе (т.е. от Атлантики до Урала) на первом месте русский, на втором – немецкий, на третьем – французский, на четвёртом – английский язык²⁵. При этом в экономическом, политическом, и в значительной степени культурном ядре атлантической Ев-

²³ Bülow, W. Notizen zur Ethnographie, Anthropologie und Urgeschichte der Malayo-Polynesians / W. Bülow // International Archiv für Ethnographie. – 1908. – № 18. – S. 62.

²⁴ Kretschmer, K. Die Entdeckung Amerikas in ihrer Bedeutung für die Geschichte des Weltbildes / K. Kretschmer. – Berlin : W.H. Köhl, 1892. – S. 320.

²⁵ *Der kleine Duden, Deutsche Grammatik, 4. Auflage.* – Mannheim: Dudenverlag, 2009, S. 21.

ропы (в странах ЕС) двумя официальными языками являются английский и французский. Эти факты лингвистической географии указывают на то, что последствия установления в 1919 – 1920 гг. Версальской системы для культур континентальной Европы ощутимы и в настоящее время, поскольку язык – это основа культуры.

Европа сильно изменилась с августа 1914-го. Культура *Старой Европы* продолжает меняться отчасти и потому, что меняется её состав населения. По прогнозам демографов, уже в 2025 году до одной восьмой общей численности германского бундесвера будет представлено иммигрантами. Часть правых политиков с явным скепсисом относятся к возможности подобных изменений, левые политики Германии видят в честных и законопослушных мигрантах необходимый источник культурного разнообразия.

В германском обществе существует значительная оппозиция в отношении возможного вступления Турции, союзника по Первой мировой войне, в ЕС. Австрия старается защититься от наплыва рабочей силы из стран, ранее входивших в состав Австро-Венгрии.

Для некоторых европейских политиков США являются в большей степени европейской страной, нежели соседняя Россия. В отношении России у европейцев сохраняется определённая степень настороженности. У многих россиян проявляются антиевропейские настроения. Это не трагедия – это реальность современного восприятия.

Литература

Глинка, Ф.Н. Письма русского офицера / Ф.Н. Глинка. – М. : Правда, 1990. – 448 с.

Гнесь, А.А. Встречи на земле Нибелунгов / А.А. Гнесь // – Новосибирск. – 2009. – № 1(20). – С. 59 – 80.

Гончаров, К.Ю. Будёновка (из истории создания униформы армии советской России) /

К.Ю. Гончаров // Организмика. – 2007. – № 3(11). – С. 29 – 33.

Кремлев, С. Россия и Германия: сравнить! / С. Кремлев. – М. : АСТ, 2003. – 318 с.

Ленин, В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. / В.И. Ленин. – 5 изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1967. – Т. 28.

Леонтьев, К. Восток, Россия и Славянство / К. Леонтьев. – М. : Эксмо, 2007. – 896 с.

Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата / И.М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 712 с.

Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла : соч. / Ф. Ницше. – М. : Эксмо, 2007. – 848 с.

Паустовский, К. Близкие и далёкие / К. Паустовский. – М. : Молодая Гвардия, 1967. – 399 с.

Тегеран, Ялта, Потсдам : сб. док. – М. : Междунар. отношения, 1971. – 416 с.

Bülow, W. Notizen zur Ethnographie, Anthropologie und Urgeschichte der Malayo-Polynesians / W. Bülow // International Archiv für Ethnographie. – 1908. – № 18. – S. 152–166.

Bruendel, S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat. Die «Ideen von 1914» und die Neuordnung Deutschlands im Ersten Weltkrieg / S. Bruendel. – Berlin : Akademie Verlag, 2003. – 403 S.

Der kleine Duden, Deutsche Grammatik, 4. Auflage. – Mannheim: Dudenverlag, 2009. – 451 S.

Förster, S. Wochen der Entscheidung / S. Förster // Damals. – 2004. – № 5, 36. Jahrg. – S. 14–19.

Heffner, R. A Documentary History of the United States / R. Heffner. – New York : New American Library, 1985. – 382 p.

Hildebrandt, K. Deutsche Aussenpolitik / K. Hildebrandt. – München : R. Oldenbourg Verlag, 2008. – 204 S.

Kretschmer, K. Die Entdeckung Amerikas in ihrer Bedeutung für die Geschichte des Weltbildes / K. Kretschmer. – Berlin : W.H. Köhl, 1892. – 471 S.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History / H.J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – № 4 (23). – PP. 421–37.

Magenschab, H. Der Krieg der Großväter 1914 – 1918 / H. Magenschab. – Wien: Verlag der österreichischen Staatsdruckerei, 1989. – 224 S.

Münkler, H. Die Deutschen und ihre Mythen / H. Münkler. – Berlin : Rowohlt, 2009. – 606 S.

ЗАМЕТКИ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ А. А. ГНЕСЯ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Стефан Шнайдер,

Германия, г. Гейдельберг

stefan.schneider@iued.uni-heidelberg.de

Оригинальная статья географа, переводчика, историка Александра Аркадьевича Гнеся, познавшего и «полюбившего», кроме родного, разные края не только Старого света, но и Нового, приглашает читателя подискутировать на тему, которой в актуальных научных дискурсах не уделяется особого внимания: автор предлагает осторожную переоценку феномена *Первой мировой войны*.

Хотелось бы предложить свои примечания к этому очерку, написанному в лучшей традиции англо-саксонского эссе. Жанр, который и в России в настоящее время популярен, в состоянии вовлечь в дискурс более широкий круг учёных, чем тот, который в последние годы занимается вопросами, связанными с *Великой войной*. В Германии этот жанр, к сожалению, на научном поприще до сих пор не получил общего признания. Стоит, правда, признать, что такого рода анализы и интерпретации нередко рискуют превратиться в полемику, не выдерживающую верификации.

Феномен *Первой мировой войны* как целый комплекс тем не только до конца не исследован, но и нуждается в проверке имеющегося материала, из чего, по мнению автора очерка, возможно, последует необходимость пересмотреть некоторые традиционные взгляды. Хотелось бы привлечь тут не только узких специалистов-историков рубежа XIX–XX веков, но и специалистов

разных эпох, также как антропологов, культурологов, политологов, юристов и других специалистов. Без сомнения необходим междисциплинарный подход, и этому, безусловно, способствует жанр эссе.

Прошу прощения за полемичное вступление, но характеристика автора как космополита (*Weltbürger*) мне кажется уместной из-за того, что А. А. Гнесь далёк от какой-либо идеологизации в своей аргументации, в том числе и примитивного дуализма деления позиций на *хорошо* и *плохо*. Заподозрить автора в *западничестве* или в *германофильстве* также бессмысленно, как и в *славянофильстве*, *этноцентризме* или в фальшивом *патриотизме*. Из этого, с одной стороны, не следует, что вообще отсутствует определённая точка зрения, и автор проявляет индифферентность по отношению к историко-культурным особенностям государств и народов, задействованных в гуманитарной катастрофе, как мы должны определить *Первую мировую войну*. С другой стороны, нельзя не заметить, что автор явно пытается немного скрыть свою личную позицию. Этот «технический» приём преследует как минимум три цели: во-первых, он не желает дать ни одному идейному лагерю повод использовать себя; во-вторых, он таким маневром старается спровоцировать реакцию; в-третьих, и это уже упоминалось, автору не хотелось бы, чтобы его в чём-либо заподозрили.

Тем не менее в очерке проявляется тенденция (это один из главных его тезисов) пересмотреть вопрос ответственности за войну и её последствия, и, таким образом, А.А. Гнесь видит аргументы «в пользу» Германии, считающуюся и в науке, и в общественном мнении вместе с Австро-Венгрией основным, если даже не единственным виновником мировой катастрофы. Автор справедливо указывает на корреляцию интересов стран Антанты с одной стороны и центральных держав с другой. Общеизвестно, что начало двадцатого столетия стало периодом возвышения Германии, которая продвигала свои цели господства не только на территории Европы, но и на океанах, оспаривая таким путём лидерство Великобритании. Хотя противостояние двух блоков накануне войны учёными, в принципе, учитывается, большинство исследований касательно войны указывают на то, что союзники Антанты в конце концов вынуждены были отреагировать на экспансивную политику Германии: «Возвышение Германии заставило остальных объединиться ради самозащиты»¹. Конечно, хронология войны не оспаривается, после работ Ф. Фишера мало кто занимается «примитивной хронологией»², и историки приступили к расследованиям целей воюющих сторон³. Несмотря на эти новые исследуемые аспекты, А.А. Гнесь намекает на то, что исследования до сих пор тенденциозны, т. е. ответственность за войну стран Антанты недооценена. Повторяю, цель автора – не поменять плюсы и минусы, а без предвзятости понять причины и значение катастрофы. Германия предприняла попытку занять лидирующую позицию в Европе и в мире, а «такой сценарий страны Ан-

танты решительно не устраивал», как пишет А.А. Гнесь, и они энергично предпринимали всё возможное, чтобы не лишиться лидерства. Из этой констелляции возникла «неизбежность» конфликта, и, в конечном счёте, интерпретируя А.А. Гнесю, надо искать ответственных и делать выводы. А.А. Гнесь здесь упоминает аргументацию Маккиндера «хартленда» и «континентальной опасности» для англосаксонских интересов в случае гегемонии России и Германии.

В связи с этим А.А. Гнесь выдвигает второй интересный, но рискованный и оспариваемый тезис упущенного шанса – несостоявшегося германо-российского союза. Надо сказать, что тезис этот выдвигается не как позиция автора, а как возможная точка зрения, но всё-таки прослеживается его склонность оценить несостоявшийся союз именно как упущенный шанс. Не будем тут прослеживать все аспекты такой аргументации в отдельности, здесь не просто нужен отдельный разговор, а серьёзные исследования. Науке хорошо известно, что до самого начала войны были альтернативы союзу Антанты, противостоянию блоков вообще; и в России, и в Германии были группировки, желающие сближения двух империй. Но и печально известно, чем может кончиться союз двух «великих» держав. Автора интересуют вопросы именно геополитического и общен исторического плана, он исследует культурно-антропологические основы конфликта. Здесь он увлекает читателя недосказанными гипотезами, если он пишет «о глубоком культурном взаимопроникновении германских и славянских племён» или «что в случае мирного сосуществования России, Германии и Австро-Венгрии к середине XX века должно было оформиться единое культурно-экономическое пространство от Северного моря и Адриатики на западе до Тихого Океана на востоке». Такое можно понять как желаемую положительную альтерна-

¹ Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2002. – (Сер.: История России. Современный взгляд). – С. 33.

² Там же. С. 668.

³ Там же.

тиву, как противовес к «массовой культуре», к последующей американской доминанте, но и как угрозу, как вызов западному миру – что и привело к союзу Антанты и к вступлению в войну США. Я предлагаю понимать полемику автора как призыв к дискуссии проблематичных вопросов без предвзятости.

В связи со вторым тезисом следует обратиться к третьему, на мой взгляд, самому перспективному – назову его также упущенным шансом. А. А. Гнесь указывает на самую серьёзную ошибку отвечающих за войну сил, приведшую к большим последствиям – именно к «культурной катастрофе». Ведь властные группировки господствующих держав перед лицом грозящей войны-катастрофы не искали путей сближения, договорённости, а сосредоточились на принципе «существования *своих и чужих*», на принципе «*экссклюзивности*», из чего формировался «менталитет цивилизованного общества», действующий и сегодня. Хотя автор эксплицитно такой аргумент не высказывает, он всё-таки между строк даёт понять, что сегодня мы имеем перспективу альтернативного здравого пути – модель Европейского Союза, модель, которой стоило бы приближаться и в начале XX века. А принцип деления на *своих и чужих* породил на самом деле рационализм, на который указывает А. А. Гнесь, который я бы назвал радикальным. И автор, конечно, прав, что в связи с *Первой мировой войной* Европа потерпела полный крах, что нашло своё трагичное продолжение во *Второй мировой*. Европейская социально-политическая система XX века, базирующаяся в основном на принципах экономики и власти, почти полностью дискредитировала себя. Войны и «экономистическое» мышление привели действительно к тому, что мы почти лишились завоёванной веками культуры (хотя возникли, как уже было сказано, новые перспек-

тивы). Но я бы не стал противопоставлять в таком недосказанном виде «англосаксонский рационализм», который «в 1918 году одержал победу над двумя идеалистическими обществами: российским и германским». На что намекает автор можно и неправильно понять, категориями «хорошо» и «плохо». Несмотря на Канта, Гёте, Гумбольдта, Ломоносова, Достоевского и Толстого, с российскими и германскими «идеалистическими ценностями» надо быть очень внимательным и осторожным. Мир действительно потерял из-за войны особый своеобразный немецкий «идеалистический» потенциал, и российский, но как автор сам указывает, здесь нужно учитывать целый комплекс причин. Радикальный рационализм – это, скорее всего, экономизация культуры и нравов, которая привела не просто к постмодернистическому, а постинтеллектуальному, безыдейному обществу.

Кстати, насчёт российского потенциала, культурной катастрофы именно в России, на которую автор очерка опять же – намекает: именно *Первая мировая война* и последующая революция опять прервали ту тонкую ткань между Россией и Европой, которая под влиянием русского классического искусства, реализма и в связи с экономическим подъёмом в конце XIX века становилась всё более и более крепкой. Нельзя забыть и события вокруг первой российской революции, которые породили конституционное начало, приблизившее Россию к Европе. Нельзя не напомнить о кульминационном «Серебряном веке», который выдвинул интеллектуальную российскую элиту даже в пример Европе. А после 1918 года Россия оказалось опять же в изоляции, очень продолжительной.

Позволю себе ещё одно критическое замечание, так как следует признать, что основной тезис автора *Первая мировая война* именно как «культурная катастрофа», про-

звучавший в заглавии статьи, немного теряется в очерке.

Как уже было сказано, А. А. Гнесь увлекает читателя темой, которая в настоящий момент не пользуется большой популярностью и заслоняется исследованиями по Второй мировой войне. В сознании людей значение *Второй мировой* превышает значение *Первой мировой войны* – что не совсем справедливо. К этому привела и немного односторонняя оценка науки и политических элит. Но ситуация должна измениться к 2014 году, к 100-летию начала войны. Этот «юбилей» даст повод и деньги не только для многочисленных широкомасштабных исследований, но и для просто квантитативных и идеологических работ, т. е. начнётся своего рода мода. Мы должны ожидать настоящей волны по теме. Так что А. А. Гнесь вовремя открывает новый раунд дискуссии, в тихой воде, когда ещё нет опасности попасть в не желаемое течение или такую волнистую обстановку, что можно и просто захлебнуться.

Всё же хотелось бы упомянуть три научных российских издания, в которых, как и в статье А. А. Гнеся, поддерживается многоплановая, комплексная дискуссия. Так, например, в сборнике «Россия и Первая мировая война»⁴, который посвящён международному colloquium, состоявшемуся в 1999 году в Санкт-Петербурге, или в сборнике «Россия в начале XX века»⁵, в котором статьи хотя не фокусированы на *Первую мировую войну*, но которые великолепно исследуют её посредственный и непосредственный контекст. Исследование Уткина было уже упомянуто, из заключения которого

хотелось бы ещё процитировать высказывание, которому Уткин придаёт большое значение: «культурцентрическое чванство всегда контрпродуктивно»⁶.

Тут хотелось бы ещё упомянуть немецкую публикацию, маленькую книжечку Фолькера Бергхана⁷, которая представляет собой менее самостоятельное исследование, а «концентрат», интереснейшее обобщение позиций и взглядов западноевропейских и североамериканских учёных.

А. А. Гнесь в своём очерке справедливо указывает на недооценку *Первой мировой войны* как гуманитарной катастрофы. Статья, хотя немного страдает недосказанностью, даёт новые идеи и импульсы для продолжения дискуссии, для возражений и призывает к круглому столу без господствующих сил.

8 января 2010

Литература

Россия и Первая Мировая война : материалы междунар. науч. colloquium / под ред. Н.Н. Смирнова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – 564 с.

Россия в начале XX века / рук. авт. коллектива А. Н. Сахаров. – М. : Новый Хронограф, 2002. – 744 с.

Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. – М. : Алгоритм, 2002. – 672 с. – (Серия. История России. Современный взгляд).

Bergahn, V. Der Erste Weltkrieg / V. Bergahn. – München : Verl. C. H. Beck, 2009.

⁴ Россия и Первая Мировая война (материалы международного научного colloquium). – Под ред. Н.Н. Смирнова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 564 с.

⁵ Россия в начале XX века. – Руководитель авторского коллектива А.Н. Сахаров. – М.: Новый Хронограф, 2002. – 744 с.

⁶ Уткин, А.И. Первая мировая война / А.И. Уткин. – М.: Алгоритм, 2002. – (Серия. История России. Современный взгляд). – С. 669.

⁷ Bergahn, V. Der Erste Weltkrieg / V. Bergahn. – München: Verl. C. H. Beck, 2009.

ОТДЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. ГНЕСЯ «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА»

Д.А. Серов

Новосибирский государственный
университет экономики и управления
pravo1@nsuem.ru

Статья Александра Гнеся видится глубоко примечательной в двух отношениях. Во-первых, интересны (хотя, быть может, недостаточно развернуты) рассуждения автора об общности исторических судеб России и Германии, о возможности формирования между ними органического союза. Во-вторых, А. Гнеся вплотную подступил к вопросу о том, было ли неизбежным столкновение России и Германии в I мировой войне – иными словами, к вопросу, была ли вообще I мировая война неизбежной.

Принято считать, что история не имеет сослагательного наклонения. В первом приближении данный тезис сомнений не вызывает. Однако не все так прямолинейно.

Меру неоспоримости приведенного тезиса можно сравнить со справедливостью хрестоматийного для юриспруденции положения о том, что закон обратной силы не имеет. В действительности, это положение отнюдь не носит универсального характера, поскольку для него предусмотрены исключения – в сфере уголовного законодательства. Сходным образом обстоит дело с представлением о безальтернативности исторического процесса.

В потоке истории безусловно есть периоды, когда ход событий мог бы сложиться принципиально по-иному (В. О. Ключевский именовал таковые периоды «точками бифуркации»). Это – те моменты, когда суммы предпосылок к различным вариантам дальнейшего развития событий примерно равновесны.

Одним из таковых периодов в истории Европы явилась, думается, первая по-

ловина 1910-х гг. Фатальность грянувшего в 1914 г. военного столкновения между Россией и Германией представляется отнюдь не очевидной. Конечно, в ту пору существовала «дуга напряжения» на Балканах, существовали определенные противоречия между двумя империями. Но вместе с тем имелись и глубокие исторические связи, протянувшаяся сквозь весь XIX век традиция российско-германского (российско-прусского) добрососедства.

А если в 1914 г. не разразилась бы мировая война, то многое, очень многое в истории Европы могло бы сложиться совсем по-иному. Особенно в Германии и России, которые, очень вероятно, избежали бы революционных потрясений 1917–1918 гг. Со всеми вытекающими из этих революций последствиями. Не сложилась бы тогда и «точка невозврата», о которой столь интересно (в культурологическом плане) рассуждает Александр Гнеся.

И, наконец, несколько частных замечаний. Вызывает удивление, что, уместно и компактно изложив геополитическую концепцию Х. Маккиндера, А. Гнеся ни словом не упомянул «в связке» с ней о воззрениях такого известного апологета германо-российского союзничества как Карл Хаусхофер (K. Haushofer). Трудно согласиться с мнением автора, что современная система регистрационного учета граждан в РФ «более жесткая», нежели в СССР. И уж вовсе странным выглядит суждение А. Гнеся, что Версальские соглашения 1918 г. означали «уничтожение Германии как независимого государства».

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ АЛЕКСАНДРА ГНЕСЯ «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА»

Г.А. Антипов,

Сибирская академия государственной
службы, Новосибирск.

Была ли первая мировая война культурной катастрофой? Сразу же смущает апокалиптическая краснота определения. Воспринимается как зловещее предупреждение. В тональности «заката Европы», «конца истории» и т.п. Так сказать, «мрачной бездны на краю». Подобная ценностная нагруженность выводит за границы научного дискурса. Там катастрофой называют просто скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавное изменение внешних условий. Научная картина мира, по самой своей сути, представляет мир независимо от смысловых ориентаций человека и общества. Эту область жизнедеятельности в современном обществе, в значительной мере, занимает идеология.

Идеология формирует конечные основания для оценочных суждений в культуре, где доминирующие позиции занимает рациональность в веберовском смысле слова. Идеологию поэтому можно трактовать как своего рода маргинальную форму сознания. Как справедливо полагал К. Левистрос, «ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [1, с. 186]. Её трактовка в качестве «ложного сознания» гносеологически некорректна, поскольку истинными и ложными могут быть

только научные суждения. Гносеологическим оксюмороном выглядит и пресловутая ленинская «научная идеология». Попутно можно добавить, что, по К. Мангейму, функцией идеологии является утверждение сложившегося социального порядка, в то время как утопия по своей ориентации «взрывает существующий порядок» [2, с. 113–117].

Суждения идеологического толка, таким образом, подчиняются иной логике, нежели научные. Суждение: Первая мировая война не была культурной катастрофой вполне может получить не менее «мощное» обоснование, чем прямо противоположное. Мы оказываемся в заколдованном кругу антиномизма кантовского типа. Понятно, без претензии увеличения собственно списка антиномий «чистого разума». Каков же выход? Его наметил сам Кант – антропология, с её основным вопросом, определяющим всю перспективу обсуждения: «Что такое человек?»

Сталкиваются и воюют не культуры, не цивилизации сами по себе, а люди. Культура и цивилизация не суть эмпирические реальности. Как значится в известной дефиниции классиков культурной антропологии Крёбера и Клакхона, культура есть «абстракция человеческого поведения, но не само поведение». Эмпирически данной реальностью являются войны, которые ве-

дут люди. А война, согласно ещё одному классическому определению, есть продолжение политики другими средствами. Любители порассуждать на темы всякого рода «цивилизационных разломов» и т.п. часто апеллируют к киплингговскому «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, / Пока не предстанут Небо с Землёй на Страшный Господень суд». При этом чаще всего забывают строки, которыми заканчивается «Баллада о Западе и Востоке». А они таковы: «Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род, / Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встанёт».

Первая мировая война была войной мировых империй, продуктом конфликта интересов их политических элит, их выбором. Для Российской и Австро-Венгерской империй к тому же не меньшее значение приобретали интересы сохранения архаически устроенной власти. Вообще, по сравнению с другими, они в меньшей мере вписывались в культуру техногенной цивилизации, несли на своём теле больше родимых пятен традиционного общества. В этом отношении, имея в виду правящую элиту, достаточно близок к ним и Второй рейх. Германская империя, провозглашённая в правление Вильгельма I Гогенцоллерна, была, конечно, роднее империи Романовых, чем её союзники по Антанте. Однако опыт «Короля Лира» наглядно демонстрирует, на какие нищенские задворки выдвигаются родственные отношения ветрами политических бурь.

Тем не менее скорая реанимация Германской империи в виде Третьего рейха и Российской в виде Советского союза показала, сколь сильные традиционалистские импульсы таились в этих социумах, сколь живучими оказались они. Проявления возврата в «махровое» Средневековье и даже

в ещё более отдалённые глубины истории на лике фашистской империи видны невооружённым взглядом. Более того, они целенаправленно и зряче лепились искусными социальными пластическими хирургами.

Но и сталинский социализм оказался откатом в отдалённую архаику, реанимировав формы рабовладения (ГУЛАГ), феодализма (колхозы), обожествление властителей и т.п. Даже во внешнем антураже, вроде ступенчатой пирамиды на Красной площади. Это ведь Египет фараонов. Коммунизм, по сути, есть вера в историческую необходимость, закономерность, ведущую в светлое будущее. Являясь такого рода верованием, он открывал дорогу для массового «бегства от свободы», перекладывая на историческую необходимость бремя выбора и ответственности. Чем не вывернутая наизнанку эсхатология!

Возрождение консервативно модернизированных империй открыло дорогу второму изданию мировой войны. Сталин для начала «войны на выживание» сделал больше, чем кто-либо другой. Если не больше, то и не меньше, чем даже Гитлер. Я вовсе не имею в виду бредягину о нападении СССР на Германию, распространяемую неким лондонским сидельцем. Я имею в виду, что без Сталина не было бы и Гитлера. Войну инспирировали две вещи. Во-первых, напугать взорвать мир посредством «социалистической революции». Ау, Коминтерн! Можно понять трезвого европейского обывателя, хорошо видевшего на примере России, к какому счастью приведёт победа социализма во всемирном масштабе. На нормальный обывательский взгляд, Гитлер всё-таки воспринимался меньшим злом. Во-вторых, наш мудрый вождь удумал сравить германских социал-демократов и коммунистов, которые, вместе, кратно превосходили нацистов в тогдашней Германии.